

НАСТРОЙЩИК

Пианино много лет стояло в квартире, почти всю мою жизнь. На нем еще играла мама, потом и я шаг за шагом освоил нелегкую нотную премудрость. С ним меня связывали мимолетные воспоминания, вроде бы и незначительные, но трогательные. Помню, как полбригады шумных здоровых мужиков затаскивали его на третий этаж, запах свежей древесины; как потом бережно мы с мамой протирали его торжественно-красивые поверхности, за которыми скрывалось таинство еще непознанного искусства. Помню первую учительницу – ее визитов я всегда с волнением ждал, миловидную и юную студентку консерватории, в которую почти влюбился. Однажды в далеком детстве у нас дома отмечали какой-то праздник, и я совсем некстати взял аккорды Патетической сонаты. Отец заслушался и вдруг с укором остановил гостей: «Музыка какая, мороз по коже, камень оживет – оставьте свои разговоры - послушайте!..»

Потом были два года армии. Мама уже не могла играть – она была больна, и пианино молчало, верно дожидаясь меня. Вернувшись приветливым майским днем домой, я робко, почти с испугом подошел к нему - думал, разучился говорить на языке музыки. Открыл крышку, тронул забытые клавиши и... Через долгие сотни серых будней ожил большой, яркий мир. Я впервые, казалось, увидел, как много в нем звуков и запахов. И понял, что душа моя не очерствела, и я сделаю еще на этом свете много добрых и полезных дел.

Бетховен, Бах, Шопен, Чайковский и еще популярные мелодии уверенной и сильной моей страны – я так долго играл вас... Но увы, годы неизбежны. Жизнь засасывала в свою круговерть, и все меньше оставалось свободного времени для себя. Место пианино незаметно заняли книги, затем из-за отсутствия денег работа на даче; позднее Интернет с наивными поисками мифических удач, и просто каждодневная и полубессмысленная суeta. Играл я все меньше, потом и вовсе перестал, и однажды обнаружил, что большую часть своего репертуара забыл, а играть почти разучился. Нет, разумеется, можно было восстановить утраченное, но для этого потребовалась бы долгая разминка на гаммах, столь раздражающая соседей - то, чем занимался я, учась в музыкальной школе.

Пианино, темно-коричневое, покрытое шпоном настоящего красного дерева, теперь поблекшего, незаметно обитало в квартире, не резало глаз, тихо вписываясь в обстановку и... безмолвствовало уже много лет. Мне не раз поступали предложения продать его, но я воспринимал их чуть ли не как оскорбление! К тому времени умерла бабушка и умерли мои бедные родители, растащили на жалкие беспомощные обломки великую страну. А пианино, подаренное самыми близкими людьми, по-прежнему как-то почти робко и растерянно стояло в дальнем краю комнаты, словно хотело спросить меня, что я думаю обо всем этом, и почему, в конце концов, не играю?.. Нет, я начисто

отвергал всякую мысль расстаться с ним. Оно давно стало частью моей жизни, оно сопровождало меня с самого детства и хранило в себе лишь для меня одного доступный смысл. И вдруг продать?.. Нет, это все равно, что продать друга или себя самого!..

Я еще робко мечтал, что кто-то из детей увлечется игрой на фортепиано. Но напрасно, у них были другие интересы. Все чаще слышал я упреки от домашних, что пианино мешает, занимает место, а в квартире и так тесно. Для них оно оставалось не более, чем старым шкафом или комодом, которые совсем не жалко выставить за дверь.

А однажды жена сказала:

-Вот что, я присмотрела в магазине испанскую стенку, пианино будет мешать. Если б ты играл – тогда ладно. Но ты не играешь! В общем, делай, что хочешь – но пианино в квартире быть не должно!

С содроганием в душе выслушал я ее слова. Но самое ужасное, стал приходить к мысли, что жена, наверное, по-житейски права: незачем держать дома бесполезный предмет, и пианино скорее всего придется продать. Хотя тлела еще надежда, что когда-нибудь я погоняю гаммы и вспомню все то, что умел раньше. Увы, надежда была скорее всего из области фантазий...

Результат попыток продать пианино, которым когда-то так интересовались разные знакомые, крайне меня удивил. Его никто не покупал даже за небольшую сумму, хотя в городе давно не торговали новыми инструментами. Все изменилось с доперестроечных времен – и искусство, видимо, отошло нынче на второй план. Однажды я забрел в магазинчик музыкальных инструментов, где мне подтвердили, что пианино возят теперь лишь под индивидуальный заказ, и крайне редко, зато есть неплохие клавишные звукоинтеграторы, имитирующие его звук, хотя это, конечно же, совсем не то... В конце концов, мне дали телефон настройщика, сказав, что он может оказать содействие в продаже.

Спустя пару недель мне все же удалось связаться с долгожданным настройщиком, который до тех пор, по сообщению голоса оператора сотовой связи, все время «был недоступен», и однажды вечером в дверь раздался звонок – из минуты в минуту, как договаривались.

На пороге стоял высокий молодой человек, брюнет с небольшими слегка обозначенными усиками, в идеально отглаженных брюках и безупречной рубашке.

Он посмотрел на пианино. Взгляд его был сосредоточенным; казалось, настройщик отключился с этой минуты от всего внешнего. Легкими движениями он сделал то, о чем мы и не догадывались никогда – снял нижнюю и верхнюю панели, обнажив ворохи многолетней пыли, потом крышку, и теперь перед глазами предстала одна голая механика, когда-то создававшая божественную музыку – множество молоточков, струн, натяжных болтов. Настройщик по-прежнему сосредоточенно, не говоря ни слова, проделывал что-то невысказанное. Щелкал по струнам, забираясь в механику,

ощупывая молоточки, рычажки и другие внутренности. Длинные пальцы его то нежно гладили клавиши, то вдруг начинали по ним яростно колотить. На наши вопросы он отвечал весьма односложно. Видно было, он поглощен совсем другим... Даже чересчур общительная жена не могла разговорить его, и нам оставалось молча наблюдать за его действиями. Он достал электронный камертон размером с зажигалку.

-Пианино настроено на полтона ниже... - констатировал он и принялся подтягивать струны. У меня уже возникло сомнение: может быть, он меня не так понял, ведь я пригласил его помочь продать пианино, а не настраивать его...

-Сколько, вы говорите, лет вашему пианино?..

-Более двадцати, - ответил я, надеясь как-то набить цену своему сокровищу, с которым так много меня связывало и с которым вовсе в глубине души не хотелось расставаться. Ведь я прекрасно знал, что на самом деле мой друг лишь немногим моложе меня, и ему уже под сорок...

Вдруг он стал со всей силы колотить по клавише, струну которой только что настроил. «Всяко, не сломает, - подумалось невольно, - ведь профессионал. Наверное, знает, что делает...»,— мысленно успокаивал я себя. Потом настройщик едва дотронулся до той же клавиши и проговорил очень тихо:

-Улавливаете, волна...

Мы с женой ничего не улавливали...

Было видно, он изучает наш инструмент, как доктор прослушивает больного с едва заметными признаками только еще начавшейся болезни, предельно сконцентрировав внимание и волю, недоступными нам органами чувств...

-Видите ли, - наконец, заговорил он. - Древесина, из которой сделана дека, рассчитана на определенную влажность летом и зимой. И конечно, судя по всему, вы никогда не ставили под панель пианино баночку с водой. Древесина ослабла, рассохлась, и перестала держать строй. Механика в идеальном состоянии, на пианино не слишком много играли, звук певучий. Играть на нем можно, но вряд ли вам понравится вызывать каждый месяц настройщика... И потом, уже в семидесятые годы такие рамы выпускать перестали, так что вашему пианино лет сорок как минимум, если не пятьдесят.

-Нет, нет, - горячо запротестовала жена, сразу же «проговорившись», - сорок да, но только не пятьдесят, ведь мужу купили его новым, когда он был ребенком!

Да, от настройщика ничего нельзя было утаить.

- Сорок тоже возраст. Увы, эти тонкие, ранимые вещи, как и люди, также имеют свое начало и свой конец.

Не знаю почему, но последние слова его меня почему-то странно огорчили,

почти расстроили, словно речь шла о безнадежной болезни близкого мне человека, а может быть, и о своей собственной жизни, о прошлом, которого никогда больше не будет.

-Ваше пианино я, к сожалению, своим клиентам предложить не могу – а мои клиенты профессиональные музыканты в училищах, в консерватории. Моя репутация высока, и я слишком ею дорожу...

-Ну а все-таки, можно его продать кому-нибудь из не слишком притязательных граждан?... - настаивала жена.

-Предложение превышает спрос.

-Наверное, из-за электронных аналогов?

-Нет, электроника живой инструмент, конечно же, не заменит, дело не в этом...

Он задумался на секунду.

-Видите ли, конечно, можно сделать ремонт, внешний в том числе, заменить шпон на крышке, покрыть специальным лаком, но это будет очень дорого, как восстановление импортной машины. В таком ремонте нет смысла, потому что проще купить новый инструмент... Хотя люди делают такие ремонты. Однажды мне попалось пианино выпуска восьмьсот семидесятого года – ему было сто тридцать пять лет.

-И что, на нем можно было играть?

-На нем вообще нельзя было извлекать звуки.

-Это было какое-то необычное пианино? Принадлежало знаменитости?

-Не то и не другое.

-Разве нашелся желающий его приобрести?

-Нашелся, и мы тот экспонат отреставрировали, хотя на эти деньги можно было бы купить целый музыкальный класс. Более того, хозяин инструмента велел выбросить всю мебель из гостиной, а саму гостиную перестроил, передвинул в ней стены, заказал соответствующий ретро-интерьер – и все из-за этого старинного пианино... Самое смешное, что в этой семейке вообще никто и никогда не играл: им медведь на ухо наступил. Просто хозяину так захотелось... Понимаете, у людей, которые не зарабатывают деньги собственным трудом, а деньги между тем на них свалились огромные, просто так, - у них есть свои причуды. И мы их исполняем, даже совершенно бессмысленные и дикие. Таков нынче мир.

Да, у меня на очереди еще три клиента, а я так ничего и не подобрал для них за весь сегодняшний день... Что ж, прощайте, - и он доверительно пожал мне руку, почувствовав во мне внимательного собеседника. Уже уходя, он вдруг остановился и добавил напоследок, словно речь шла не о старом пианино, а о живом существе:

-А звук певучий. Теперь редко встречается такой. В те годы многое старались делать на совесть. Пианино еще какое-то время послужит. Отдайте его хорошим людям, просто любителям, если сами вы не играете.

Его последняя фраза что-то окрылила в глубине души, сквозь слякоть осенних дней настроила на мажорный лад. Да, все имеет свои начало и конец. Но старое пианино еще пригодится, оно не должно молчать, оно будет петь! Пусть оно расскажет кому-нибудь о том, что ведомо моему счастливому безмятежному детству из справедливой и спокойной моей страны!

Однажды ко мне зашла старушка с маленькой девочкой.

-Хочу сделать внучке подарок, в музыкалке собирается учиться. А пенсия маленькая. Не уступите в цене?

-Уступлю, - сказал я с радостью. Потому что знал, что последнего молчаливого и чуткого свидетеля всей моей жизни встретят старательные, трепетные руки...